

Ирина Н. Софронова (Минск)

Деонтическая модальность в мужской и женской речи: взгляд сквозь призму художественной прозы

✦ Ключевые речи:
 деонтическая модальность,
 нормативное высказывание,
 мужская речь, женская речь,
 гендер, гендерный стереотип,
 художественный текст.

Деонтическая модальность, или модальность долженствования, является важным источником сведений о том фрагменте мужской и женской картины мира, который фиксирует представления о нормативных связях вещей и явлений и отклонениях от них. Следует учесть и то обстоятельство, что представления о мужском и женском изначально складывались в процессе формирования системы запретов и предписаний, поскольку различие между полами предполагало различие экзогамных половин и запрет инцеста. В этой связи представления о должном поведении, закрепленные в мужской и женской речи, отражают как различия в социально одобряемых нормах

У раду се анализира група нормативних исказа с деонтичким предикатом *должен* ради утврђивања природе утицаја гендер стереотипа на спецификум његове спојивости у мушком и женском говору. Као материјал за истраживање користе се руски белетристички текстови друге половине XIX–XX века.

для обоих гендеров, так и субъективное отношение личности к соответствующему должному поведению, степень готовности его реализовать.

В статье ставится задача проанализировать группу нормативных высказываний с одним из основных деонтических предикатов *должен* с целью определения особенностей его сочетаемости и выявления оттенков значения в русской мужской и женской речи. Это позволит реконструировать круг действий, которые являются объектом нормативной регуляции в сфере межличностных бытовых взаимоотношений, определить существующие нормы поведения для обоих гендеров, а также выявить субъективное

отношение мужчин и женщин к данным нормам. Материалом исследования стали художественные тексты периода современного русского языка (вторая половина XIX–XX вв.). Художественная литература, несмотря на элемент условности и субъективности изображения, – это способ моделирования человеческого общения, представляющий речевое поведение в наиболее типизированной форме. Язык существует для того, чтобы порождать тексты, которые содержат разнообразную информацию о человеке, в том числе связанную с признаком пола. Вместе с тем текст представляет человека, активно действующего в языке. В тексте воспроизводятся сложившиеся в той или иной культурной среде представления о мужественности и женственности (феминности и маскулинности). Они включаются в процесс конструирования мужской и женской идентичности, которая, в свою очередь, выступает как один из параметров говорящей личности. В этой связи исследование феномена пола охватывает не только язык как структуру и как функционирующую систему, но и человека, говорящего на языке. Для анализа выбирались монологические и диалогические контексты с эксплицитным деонтическим модусом, иллюстрирующие неофициальный стиль общения мужчин и женщин, не осложненный отношениями служебной субординации. Для минимизации субъективного фактора, неизбежно проявляющегося в любой художественной речевой характеристике, привлекались тексты как авторов-мужчин, так и авторов-женщин.

Деонтическая модальность характеризует практическое действие с точки зрения определенной системы норм, которые предписывают, что обязательно, разрешено или запрещено. Исследование

нормативных понятий восходит к разработанной Г. фон Вригтом деонтической логике, которая рассматривает деонтические операторы как модальные характеристики действий и состояний. С помощью этих операторов все действия, характеризующиеся с точки зрения определенной системы норм, разделяются на три класса: обязательные, разрешенные и запрещенные. «Деонтическая логика ... могла бы быть названа логикой того, что должно, можно и нельзя *делать*. То, что говорит нам, что должно, можно и нельзя делать, мы называем *нормами*» (Вригт 1986: 287).

По своим структурным и содержательным свойствам деонтическая модальность коррелирует с модальностями других групп, так же содержащих по три члена: алетической (необходимо, возможно, невозможно), эпистемической (знание, мнение, незнание), аксиологической (хорошо, нейтрально, плохо – Руднев 1997: 174–177). Вместе с тем специфика деонтической необходимости, или должностности, выявляется в противопоставлении другим видам необходимости – логической и онтологической. Логически необходимо то, что следует из законов логики. Онтологически необходимо то, что следует из законов природы. Деонтически необходимо то, что следует из установленных в обществе норм, правил, законов и т.п. Взаимосвязь трех видов необходимости проявляется в положении о том, что действие, описываемое как обязательное, должно быть одновременно логически и онтологически возможным, поскольку невозможно сделать то, что противоречит законам логики и природы.

Логическая и онтологическая необходимость определяются объективно действующими законами диалектики или устройством самой действительности. Однако, если действие обязательно, из

этого еще не следует, что оно имеет место. Хорошо известно, что законы, моральные принципы, правила и т.п. могут нарушаться. В этой связи деонтическая модальность является результатом сознательной деятельности человека. И. Б. Шатуновский описывает деонтическую модальность как модальность выбора, имеющую дело непосредственно с выбором субъекта, который осуществляется при наличии как минимум двух альтернатив: Р и не Р (Шатуновский 1996: 218–219), причем на свободу выбора оказывают влияние существующие в обществе нормы поведения. Таким образом, выбор субъекта ограничивается некоторым условием Q, в качестве которого выступают социально установленные нормы, правила, законы, обычаи, ритуалы, а также должностные инструкции, распоряжения, указания вышестоящих должностных лиц и т.п., существующие независимо от субъекта и не контролируемые им. Обстоятельство Q далеко не всегда эксплицируется, так как изначально входит в модальную рамку как фрагмент картины мира. Характерно, что «эксплицитная ссылка на обстоятельство Q (закон, правило и т.д.) делает необходимость [...] «менее абсолютной» и более «относительной», и наоборот, умолчание об этом обстоятельстве придает «долженствованию» более категорический, более абсолютный характер» (Шатуновский 1996: 230).

Особенностью всех модальных высказываний является то, что они являются оценками некоторых устанавливаемых связей с той или иной точки зрения. Соответственно, деонтическая модальность характеризует особенности субъективного отношения говорящего к действительности, квалификацию событий с точки зрения говорящего, способ воздействия говорящего на адресата.

Нормативные высказывания в русском языке весьма разнообразны по структуре. Предметом нашего рассмотрения являются нормативные высказывания, представляющие собой повествовательные предложения с особыми деонтическими предикатами. В группу основных предикатов деонтического долженствования, организующих нормативные высказывания, последовательно включается шесть предикатов: *должен, обязан, надо, нужно, необходимо, следует*, среди которых наиболее разветвленную систему оттенков значения, охватывающую и другие показатели деонтического долженствования, имеет предикат *должен*. К. В. Чвани указывает, что «значение слова *должен* представляет собой своего рода семантический континуум, включающий в себя такие отношения между вероятностью, ожиданием и долженствованием, которые еще только предстоит определить» (Чвани 1985: 52). В различных исследованиях отмечается, что, кроме собственно деонтического, или обязывающего употребления, *должен* имеет ряд смысловых оттенков, в частности эпистемическое, или предположительное значение (Булыгина, Шмелев 1997). Наиболее развернутая система значений предиката *должен*, включающая 10 смысловых оттенков, представлена И. Б. Шатуновским (Шатуновский 1996: 227–246). Кроме того, *должен* может использоваться для выражения побуждения, особенно в косвенной речи. Однако наш анализ затрагивает не модусную, а диктальную часть, формирующую представления о круге тех практических действий, которые модализуются как обязательные для выполнения. В этой связи разграничение тонких смысловых оттенков предиката *должен* оказывается нерелевантным, поэтому мы ограничимся обобщенным толкованием значения

должен, которое дают И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер: «существуют не зависящие от воли субъекта Р обстоятельства Q, такие, что если субъект не сделает Р, то некоторая сила F, входящая в состав обстоятельств Q, причинит субъекту зло» (Кобозева, Лауфер 1991: 172). При этом важно, что предикат *должен* «обращен в прошлое, которое опутывает субъекта своими сетями» (Кобозева, Лауфер 1991: 175), в связи с чем в модализованных высказываниях с данным предикатом, характерных для сферы бытовой межгендерной трансакции, под неэксплицируемыми обстоятельствами Q следует понимать исторически и культурно обусловленные гендерные стереотипы, а под силой F – разного рода способы выражения социального неодобрения.

Анализируя нормативные высказывания с предикатом *должен*, мы учитываем пол лица, которое апеллирует к необходимости совершения нормативного действия (далее – Г, т.е. говорящий), и пол лица, которое является производителем нормативного действия (далее – S, т.е. субъект нормативного действия). В этой связи мы выделяем два типа нормативных высказываний: 1) эгоориентированные с эксплицированным модусом *я должен/должна*, в которых Г совпадает с S; 2) неэгоориентированные с эксплицированным модусом *ты, он/она должен/должна*, в которых Г не совпадает с S. Среди неэгоориентированных нормативных высказываний в свою очередь выделяем два подтипа: гомогенные, в которых S является лицом того же пола, что и Г, и гетерогенные, в которых S является лицом противоположного пола по отношению к Г. Наше внимание будет сосредоточено на неэгоориентированных гетерогенных высказываниях, определяющих круг действий, которые, с точки

зрения Г, не имеют альтернативы для собеседника (*ты должен/должна*) или лица, в том числе обобщенного, о котором идет речь (*он/она должен/должна*). В данном случае межгендерная интеракция нередко приобретает конфликтный характер, что обусловлено несовпадением существующих в сознании Г и S нормативного действия представлений о необходимости нечто совершить, например:

— *Лиля, умоляю тебя. Пойми, — взмолился Аникеев. — Ты должна помочь мне, а не терзать меня. Ты должна думать так же, как и я. А иначе...*

— *А я не могу думать так же, как и ты. И не хочу. И не умею. И презираю!* (В. Токарева. Коррида).

Диалог иллюстрирует несовпадение модальных значений, окрашивающих реплики мужа и жены. Действие, которое в высказывании Аникеева модализуется как безальтернативное и, следовательно, ограничивающее волю собеседника, в высказывании Лили получает статус возможного, т.е. невысказанного без альтернативы и предполагающего свободу выбора. Наличие свободного выбора утверждается волитивным глаголом *не хочу*. Переинтерпретация деонтической модальности в план алетической дублируется операциональным глаголом *не умею*, который получает коммуникативный смысл «нет способности, возможности». И, наконец, отсутствие желания и возможности реализовать необходимое, с точки зрения мужа, действие получает эмоциональную трактовку *презираю*, переводя всю ситуацию в план сугубо личностного, субъективного восприятия.

В мужской неофициальной речи анализируемые нормативные высказывания характеризуют действия, которые, с точки зрения Г-мужчины, не имеют альтернативы при реализации женщиной.

Круг этих действий выявляет в женской модели поведения отсутствие индивидуального статуса субъективности, что проявляется в универсальной производности женского «я» от мужского желания, например: **Вы должны быть моей** (А. Островский. Бесприданница); **Она должна быть несчастлива, но я не виноват и потому не могу быть несчастлив** (Л. Толстой. Анна Каренина); **Погоди, я покажу тебе, как блаженно улыбаться!** [...] **Ты не инстинтутка, не девочка. Старая рожа должна понимать, что она рожа!** (А. Чехов. Муж); **Ты должна помогать мне, а не терзать меня. Ты должна думать так же, как и я** (В. Токарева. Коррида) и др. Развитая интуиция не исключает проявления в женщине рационального начала, которое, впрочем, оказывается значимым для мужчины, если определяет отношения с ним, ср.: **Она имела всю прелесть ... молодости, но не была ребенком, и если любила его, то любила сознательно, как должна любить женщина** (Л. Толстой. Анна Каренина). Последний пример выявляет также значимость в жизни женщины возрастной оппозиции женщина/молодая девушка.

Женщина воспринимается в качестве объекта, который оформляется в соответствии с притязаниями мужчины: **Ты должна выглядеть на все сто!** [...] **Вот завтра [...] пойдем в магазин и купим какую-нибудь обновку** (Е. Вильмонт. Полоса везения...)

Не имеющий от природы способности производить детей и не наделенный функцией по заботе о них, мужчина ищет в женщине «то самое промежуточное звено между чуждой [...] природой и слишком похожим на него ближним» (Бовуар 1997: 182). Женщина всегда воплощает природу как мать, в связи с чем женщине предписывается таинственная связь с природой, находящая постоянное проявление

и в обыденной жизни, ср.: **Я уверен, что вы должны глубоко сочувствовать красота́м природы** (И. Тургенев. Рудин). В то же время женщина противопоставляется природе, однако это противопоставление может осуществляться не по оси «природное – социальное», а затрагивать, скорее, комбинацию биологических функций, не наделяя женщину особым социальным статусом, ср.: **женщина, наперекор своей природе, должна быть одновременно и беременной, и кормилицей, и любовницей, должна быть тем, до чего не спускается ни одно животное** (Л. Толстой. Крейцера соната).

Эксплуатируя природу и одновременно подчиняясь ей, человек испытывает к природе амбивалентные чувства восхищения и страха. В этой же связи в отношениях мужчины к женщине выявляется бинарная позиция, являющаяся фактом традиционной культуры, когда женщина воспринимается либо как воплощение святости, либо как воплощение демонического начала, абсолютное зло. Мужчина опасается проявления стихийной женской чувственности, что может в крайнем случае привести к болезненной расщепленности сознания. В этом случае мужчина не видит альтернативы реализации женского желания и в то же время стремится установить над ним контроль: **Я хотел, чтоб она не желала того, что она должна желать. Это было полное сумасшествие!** (Л. Толстой. Крейцера соната).

Наиболее традиционная точка зрения на взаимоотношения полов, восходящая к фрейдовским представлениям о специфике любви мужчины и женщины, отражена в следующем высказывании: **Она должна быть любима, и только** (Л. Толстой. Анна Каренина). Как известно, З. Фрейд различал два вида любви: анаклизис и нарциссизм. Первый представляет

собой маскулинную форму любви, характеризующуюся активностью и стремлением к контролю. Второй соответствует фемининной форме любви, которая заключается в пассивной цели быть любимым. Структура вышеприведенного высказывания, где Р является неконтролируемым, моделирует фрейдовскую точку зрения. Формальный S она в данном случае выступает как семантический объект, а семантический S – мужчина, утверждающий в любви собственную активную позицию, имплицитно. В этой связи анализируемое высказывание семантически отождествляется с эгоориентированным высказыванием типа *Я должен ее любить, а она должна быть объектом моей любви*.

Ср. также конструкции с эксплицитным отрицательным модусом *ты/она не должна Р*, определяющие действия, невыполнение которых, с точки зрения Г-мужчины, не имеет альтернативы для женщины: *Вы зря в одиночку тут гуляете [...] Такая красивая женщина, как вы, не должна рисковать, выходя по вечерам без мужской охраны* (С. Феокистова. Остановка по требованию...); *Ты видишь, я перед тобой на коленях, но не прощения пришел я просить – ты не можешь и не должна простить меня, – я пришел тебе сказать, что друг твой погиб...* (И. Тургенев. Дым). Последний пример иллюстрирует совмещение различных модальных характеристик одного и того же Р, которое осмысливается в алетическом и деонтическом плане как переход от невозможности к запрету прощать человека, нарушившего взятые на себя обязательства перед S из-за любви к другой женщине.

Следующий пример, напротив, иллюстрирует сдвиг от деонтической к алетической характеристике Р:

— Тебе сегодня скучно со мной?

— А разве **ты** всегда **должна** развлекать меня? Ты ведь не гетера и не гейша. Ты просто не сможешь быть всегда ярким дивертисментом (Д. Рубина. Когда же пойдет снег?...)

В данном случае вопросительное предложение с частицей *разве*, отражающее точку зрения говорящего, что не Р, коммуникативно тождественно предложению с отрицательным деонтическим модусом. Такое употребление *разве* Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев называют риторическим *разве*, которое используется для решительного отрицания законности обсуждаемой ситуации (Булыгина, Шмелев 1997: 272). Существование Р, по мнению Г, обусловлено соответствующей гендерной ролью (быть гетерой, гейшей). Отсутствие социально установленных ограничений позволяет Г перейти от отрицания законности Р к отрицанию его возможности в плане личностной способности S.

Конструкции с эксплицитным отрицательным модусом долженствования можно интерпретировать как семантически тождественные конструкциям с положительным модусом долженствования в *что-придаточной* и отрицательным предикатом тождества в главной части, например: *Пусть Ариадна Григорьевна [...] поэтична и возвышенна, но это не значит, что она должна быть вне законов природы* (А. Чехов. Ариадна). В данном случае *не значит, что должна Р = значит, что не должна Р*.

Действие, обусловленное гендерной ролью, может каузировать некоторое Р, нежелательное для S, например: **ты должна** будешь отстать от твоих привычек [...] там, одна, между чужими, ты, может быть, принуждена будешь работать... (И. Тургенев. Накануне). Компонент «каузировать», синтаксически

обусловленный и домысливаемый в конструкции с *должен*, актуализируется посредством употребления предиката *принуждена* (Шатуновский 1996: 245). Выйти замуж для женщины предполагает разделить судьбу мужа, что в данном случае означает резкое изменение образа жизни. Это понимает Инсаров, создавая для Елены ситуацию свободного выбора. Однако Р, нежелательное для Елены, как считает Инсаров, для самой Елены оказывается лучшей альтернативой, чем не Р, которое приводит к невозможности быть рядом с любимым человеком. Чувственная потребность любить и быть любимой, связанная с гендерной ролью, оказывается настолько сильной, что позволяет Елене воспринимать плохое для нее Р как единственно возможную и желательную альтернативу.

Гетерогенные нормативные высказывания в мужской речи активно употребляются в виде речевых актов побуждения, каузирующих S выбрать Р (Шатуновский 1996: 246). Такое императивное *должен* чаще всего побуждает женщину к откровенности, пониманию и прощению. При этом интенсивность реализации коммуникативного намерения Г градуируется от просьбы к требованию. В случае просьбы Г считает или знает, что S не обязан делать Р, но хочет, чтобы именно S сделал Р (Гловинская 1993: 180–181), поэтому как просьбы воспринимаются такие косвенные директивы, которые апеллируют к эмпатийной отзывчивости, свойственной женщине, побуждая последнюю простить или понять Г: **Вы мне должны простить многое [...]** вы возьмете меня, какой бы я ни был, не откажетесь от меня? (Л. Толстой. Анна Каренина); **Вы должны понять, что жить с вами [...]** я не в состоянии (И. Тургенев. Дворянское гнездо); **ты должна**

также понять, что я чувствую теперь при виде твоих слез (И. Тургенев. Дым); **Ты должна это понять** (С. Феокистова. Остановка по требованию...); **Ты должна понять!** (М. Арбатова. По дороге к себе) и др.

В случае требования проявляется сильная, доминантная позиция Г по отношению к S, что весьма характерно для мужского стиля общения. В этом случае, допуская, что S может не хотеть делать Р, Г считает, что S не имеет альтернативы не Р (Гловинская 1993: 190), например: *Я пытливо взглянул на ее лицо. Она вспыхнула и пугливо заморгала глазами [...]*

— *Ольга, — сказал я строго, — ты должна сказать мне! Я этого требую!* (А. Чехов. Драма на охоте).

В рассматриваемом примере перформативом *требую* дублируется категоричность предшествующего нормативного высказывания. Возникающая при этом идея наказания (Гловинская 1993: 190) подчеркивается субъективно переживаемым испугом героини. Отсутствие альтернативы не Р для S, по мнению Г, обусловлено женской гендерной ролью, которая предполагает зависимую позицию и, как следствие, позволяет мужчине видеть в женщине не уникальную субъективность со своим собственным внутренним миром, а собственность, которой можно распоряжаться (кстати, в крайнем случае вплоть до полной аннигиляции, что демонстрирует дальнейшее развитие сюжета «Драмы на охоте»).

Не соответствующее традиционной гендерной роли поведение женщины может вызвать у мужчины разного рода эмоциональные реакции – от простого изумления до ничем не обоснованного метафизического страха: *Артем слушал Лизу с нарастающим изумлением: хорошенькие девушки не должны быть такими*

умными. И политика – не их дело (Е. Ката-сонова. Всего превыше); Он впервые пред-ставил себе ее личную жизнь, ее мысли, ее желания, и мысль, что у нее может и **должна** быть своя особенная жизнь, по-казалась ему так страшна, что он по-спешил отогнать ее (Л. Толстой. Анна Каренина). Страх мужчины перед женским началом восходит к амбивалентным ми-фологическим представлениям о женщи-не как дающей жизнь и несущей смерть (Бовуар 1997: 188–189), породивших раз-ного рода репрессивные практики по от-ношению к женской сексуальности и тот классический двойной стандарт, который конструирует женское в традиционной культуре.

В ряде случаев нормативные выска-зывания, отражающие мужскую точку зрения, включаются в женскую речь. При этом эксплицированный модус *я/она должна R* является частью сложной мо-дальной рамки *женщина считает, что мужчина считает, что она должна R*. Ука-зание на мужскую точку зрения может быть выражено имплицитно, а может эксплицироваться. При этом оно может включаться как в ответную, так и в ини-цирующую реплику, например: *вы все еще считаете меня той девочкой, кото-рую вы купили и которая должна быть благодарна и любить вас за ваши подарки* (А. Островский. Доходное место); *Но ты ошибся в расчетах: потаскушка не про-явила должной прыти. А ведь она была должна, она была просто обязана быть ниже тебя – по всем пунктам, ведь твое чистоплюйство не позволяло тебе опу-ститься до нее...* (М. Анашкевич. Аль-бинос); *Мужская логика. Он может не умирать от ревности, а я должна от нее известись?* (Е. Вильмонт. Полоса везе-ния...); *– Я просто не хочу тебя видеть! Ты для меня больше не существуешь. – Я*

уж вижу [...] Для тебя теперь существу-ет только этот крутой парень на «БМВ». Быстро же ты утешилась. – *А по-твоему, я должна* день и ночь лить слезы из-за того, что ты женишься на этой швабре? (Е. Вильмонт. Полоса везения...) и др.

Приведенные примеры являются иллюстрацией конфликтного стиля взаи-модействия, где сталкиваются полярно противоположные представления комму-никативных партнеров о должном поведе-нии женщины. Эксплицитно представлен-ные положительный модус *я/она должна R* соответствует мужской точке зрения, в то время как женская точка зрения связа-на с имплицитным отрицательным модусом *я не должна R*.

Следует отметить, что конструкции со сложным модусом далеко не всегда под-даются однозначной интерпретации, так как остается неочевидным, соблюдает Г условие искренности или нет. В случае нарушения условия искренности говоря-щим определенное мнение может быть на-меренно приписано коммуникативному партнеру, который на самом деле так не думает. Пободного рода риториче-ские приемы описаны С. Поварнинным как случаи «чтения в сердцах» (Повар-нин 1996: 81–82). В этой связи последний пример может служить иллюстрацией от-ветной демагогической тактики, которая нейтрализует генерализирующее выска-зывание коммуникативного партнера.

Негоориентированные гетерогенные нормативные высказывания в женской неофициальной речи определяют дей-ствия, которые, с точки зрения Г-женщи-ны, не имеют альтернативы при реализа-ции мужчиной. Характер этих действий показывает, что женщина мыслит в тра-диционной парадигме, предполагающей отношения субординации между полами. Мужчине отводится доминирующая по-

зияция, определяющая такие качества лидера, как активность и самодостаточность. Эти качества мыслятся как имманентно присущие мужскому характеру, проистекающие из самой природы маскулинного, что нередко подчеркивается самим оформлением модальной рамки, включающей квантор «все», например: *В самом деле, вы не мужчина, а какая-то [...] размазня. Мужчина должен увлекаться, безумствовать, делать ошибки, страдать* (А. Чехов. Ариадна); *Мужчина должен выразить свое «я». Оставить будущим поколениям свои жизненные установки* (В. Токарева. Здравствуйте); *если мужчина не имеет физического, он должен показать хотя бы интеллектуальное превосходство* (М. Анашкевич. Пораженная Венера) и т.п.

Женщина видит в мужчине того, кто может ей помочь, защитить ее или спасти: *Но, Дымов, в чем я пойду в церковь? – сказала Ольга Ивановна [...] У меня здесь ничего нет [...] Ты должен меня спасти* (А. Чехов. Попрыгунья); *У меня появился план, – сказала Марианна [...] Но вы должны мне помочь* (С. Феоктистова. Остановка по требованию...); *Она кинулась к освободившейся кабине и так громко закричала кому-то, что он должен приехать, должен, что она за себя не отвечает* (Г. Щербакова. Митина любовь) и др. Примеры показывают, что женщина поддерживает стимулируемую соответствующими стереотипами связь мужской гендерной роли с рыцарским и галантным поведением, посредством которого, как отмечают психологи, у мужчин выражается мотив помощи и которое способствует развитию мужской влияния (Куницына, Казаринова, Погольша 2001: 445). В то же время, ожидая от мужчины служения и преклонения, женщина бессознательно играет

по законам куртуазной любви, воспроизводя отношения безусловного подчинения раба и доминации Прекрасной Дамы, ср.: *Адам снял со своей тарелки круглый парниковый помидор и перенес его в тарелку Инны – так, будто она его дочь и ей положены лучшие куски. Инна не отказалась и не сказала «спасибо». Восприняла как **должное*** (В. Токарева. Старая собака); *Да и по всем расчетам сегодняшний гость тоже **должен** явиться с цветами* (Е. Вильмонт. Полоса везения...).

Однако экспликация модуса долженствования показывает, что в женском сознании традиционный образ мужчины-защитника может модифицироваться вплоть до полной своей противоположности, приобретая при этом новые, отнюдь не стереотипные черты, ср. например: *он [мужчина] маленький, слабый и **должен** держать тебя в своей власти обманом* (М. Арбатова. Аборт от нелюбимого). Таким образом, представление о властной функции мужчины по отношению к женщине дополняется семой «обман», что развенчивает гендерные стереотипы, которые считаются неизменными, поскольку заложены самой природой и опираются на биологические особенности человека. Следует, правда, отметить, что подобная точка зрения характеризует по преимуществу сознание радикально настроенных женщин, которые разделяют идеологические установки феминизма.

Ломка традиционного стереотипа выражается и в перераспределении властных функций. С одной стороны, женщина сохраняет право выбора за мужчиной и готова этот выбор принять: *Ты **должен** выбрать, что тебе важнее* (В. Токарева. Лавина). (При такой трактовке в коммуникативном фокусе высказывания оказывается S. Однако при актуализации самого деонтического предиката данный пример

получает противоположную трактовку. В этом случае коммуникативное намерение Г определяется модализацией предписываемого действия не как возможного, а как необходимого, безальтернативного, что позволяет интерпретировать высказывание как ультиматум, который с точки зрения властных отношений имеет направление сверху вниз). С другой стороны, женщина берет на себя полную ответственность за принятие решений, не оставляя мужчине альтернативы: **Он должен уехать со мной. Он – гений. Здесь он погибнет** (М. Арбатова. Учитель). Модальная характеристика действия, предписывающая определенный тип поведения, в данном случае субъективно мотивирована. Мотивационная часть высказывания объясняет отсутствие альтернативы для S и одновременно выявляет осознанное стремление Г спасти S от предстоящей гибели. Это стремление Г имплицитно выражается посредством выбора формы модуса **он должен уехать** вместо **я должна увезти**, что создает для S иллюзию активного действия.

Представление о мужской гендерной роли не является в женском сознании однозначным. С одной стороны, мужчине отводится сфера реализации вне дома, например: **вы должны трудиться, стараться быть полезным** (И. Тургнев. Рудин); **Она действительно была убеждена, что мужчина во все времена должен гоняться с копьём за мамонтом** (В. Токарева. Старая собака); **Врач пошевелился. [...] Она замерла, зажмурилась. Представила себе – сидит он, читает. Такой мужик ничего по дому делать не должен, только читать может** (Л. Васильева. Сказки о любви). Более того, даже сугубо бытовая ситуация, в частности перелом ноги у ближайшей подруги, может быть интерпретирована Г как такое положение дел, ко-

торое ставит S перед необходимостью выбрать Р, центробежно направленное по отношению к пространству дома: **Вот видишь, – поучительно проговорила Валентина, обращаясь к Анатолию. – И так тоже бывает в жизни. Ты должен наблюдать и набираться опыта** (В. Токарева. Телохранитель). С другой стороны, от мужчины ожидается участие в выполнении домашней работы и решении семейных проблем: **Мужчина сам должен ходить на базар, выбирать мясо и зелень** (В. Токарева. Длинный день) **Хоть какая-то польза должна быть от мужика в доме! А то разлегся, как собака под деревом. А ну вставай! [...] Вот ведро вынеси во двор! У нас мусоропровод не работает** (В. Токарева. Северный приют). Последнее высказывание с неодушевленным S семантически тождественно высказыванию **мужик должен приносить пользу в доме**.

Модус долженствования может быть имплицитно выражен, что иллюстрирует следующий пример: **часы стоят какой день, нельзя починить, что ли? Мужик в доме, называется. Только можешь кричать** (Л. Петрушевская. Сырая нога...). Данное высказывание содержит имплицитно выраженный модус долженствования **ты должен починить часы**. Вместе с тем Г выражает недовольство тем, что действие, которое должно быть, по его мнению, выполнено, не выполнено. Поэтому анализируемое высказывание может быть интерпретировано как косвенный речевой акт упрека. Ср. также: **Разве Леонид – мужик? Утюга починить не умеет. Красивый! – ахает Балалайка. Что толку?** (Л. Васильева. Сказки о любви).

Следует отметить, что, включая мужчину в сферу домашней работы, женщина в целом не предполагает расширения участия мужчины в домашней жизни и

разнообразия выполняемых им работ. Обязанности мужчины по преимуществу ограничиваются ремонтом и теми видами деятельности, которые требуют применения физической силы. Вместе с тем женщина ожидает от мужчины проявления такого типично фемининного качества, как восприимчивость к эмоциональному состоянию окружающих, например: *Мне кажется [...] если бы он точно меня любил, он бы не написал этого письма; он должен был бы чувствовать, что я не могу отвечать ему теперь* (И. Тургенев. Дворянское гнездо); *Я не живу, а ожидаю развязки [...] Он бы должен пожалеть меня* (Л. Толстой. Анна Каренина); *Я, Сергей Петрович, несчастна [...] Вы должны это видеть. Жизнь моя не в жизнь* (А. Чехов. Драма на охоте); *Куда подевался Сорока? Он должен почувствовать, что нужен, что ей плохо* (Г. Щербакова. У ног лежащих женщин) и др. Имея более богатый, чем у мужчины, опыт в сфере эмпатийной отзывчивости, обусловленный необходимостью ухода за детьми, женщина испытывает эмоциональный дискомфорт от неумения мужчины адекватно реагировать на ее переживания. Возможно, что в этой связи естественную для себя способность к сопереживанию женщина инкорпорирует в традиционное представление о мужской гендерной роли, заставляющей подавлять проявления эмпатии. Интересно, что в этом случае в качестве дополнительного условия, объясняющего отсутствие альтернативы для мужчины, женщина может рассматривать собственные действия, ср.: *Вы не должны погубить ее [...] Я простила, и вы должны простить!* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Женщина ожидает от мужчины действий, которые согласуются с исторически сложившимся и социально одо-

бряемым сценарием, предписывающим мужчине брать на себя ответственность за скомпрометированную им девушку: *Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой* (А. Осторовский. Бесприданница). Употребление в этом случае конструкции с отрицательным деонтическим модусом, предполагающей сохранение альтернативы для S, требует от Г развернутой мотивировки, раскрывающей причины нарушения общепринятого сценария, ср:

— Значит, так. Давай поженимся...

— А зачем? — Люся покраснела.

— Как это «зачем»? — удивился Фернандо. — Я тебя соблазнил. Склонил к сожительству. И, как порядочный человек, я должен на тебе жениться.

— **Вовсе не должен. Я не девушка. Ты не лишил меня невинности. У меня было много мужчин** (В. Токарева. Полосатый надувной матрас).

Данный пример одновременно иллюстрирует характерную эмоциональную реакцию на проявление социальной перверсии. Нарушение традиционной схемы поведения, которая предполагается известной, приводит к обязательности ее экспликации.

Деонтический модус, характеризующий практическое действие как нормативное, указывает на факт принятия женщиной пассивной роли сексуального объекта, когда от мужчины ожидается реализация стратегии активного доминирования, например: *Марианна молчала. «Не надо» – это игра. Зачем он поверил? Он должен был сказать: надо!* (В. Токарева. Можно и нельзя); *А что, у женщины есть другой способ отплатить? Ну, за добро там или за подвезти? Есть? Я ему сказала: ты должен это сделать, потому что я не хочу быть тебе обязана. Мне даже хочется с тобой...* (Г. Щербакова. Митина любовь). В последнем примере

дизъюнктивная связь лексем *добро* и *подвезти* указывает на совмещение в сознании Г сложного этического понятия и обычного утилитарного действия. В структуре межгендерных взаимодействий они оказываются взаимозаменяемыми, поскольку определяют границы того пространства бытия, где независимо от условий общения женщине подготовлена одна и та же роль пассивного объекта, которую, впрочем, можно так же отвергнуть, как и принять. В то же время анализируемый пример интересен и как подтверждение точки зрения Симоны де Бовуар об «активном подчинении» женщины в структуре сексуальных отношений. Согласно де Бовуар, женщина одаривает мужчину собою как даром, проявляя в этом случае активность, так как она не просто удовлетворяет мужское желание, но и действует в соответствии со своим собственным (Бовуар 1997). Восприятие сексуальных отношений как акта одаривания дает женщине возможность контроля, поскольку именно она выступает в активной позиции дарителя. Не подчиняясь, а, напротив, стимулируя мужское желание, женщина преодолевает чувство зависимости.

Экспликация деонтического модуса в женской речи показывает, что женщина (в роли жены) предписывает мужчине сохранение супружеской верности, например: *Это была первая измена в ее жизни [...], поэтому Ирина не знала, какие для этого полагаются слова.*

— Скажи, что ты больше не будешь.

— Буду.

— А я?

— И ты.

— Нет. Кто-то один... одна. **Ты должен ее бросить.**

— Это невозможно. Я не могу. (В. Токарева. Лавина)

Как известно, супружеская верность считается основой существования моногамной христианской семьи. Однако патриархальная традиция сохраняет для мужчины в браке большую свободу и относится к измене с его стороны менее серьезно, чем к измене со стороны женщины. Приведенный диалог демонстрирует различие в субъективной квалификации одного и того же практического действия, которое в речи коммуникантов получает неоднозначную модализацию. Деонтический модус, эксплицированный в речи Ирины, отражает фрагмент концептуальной картины мира Г, определяемый обстоятельством Q, которое проецируется на собеседника, ограничивая его выбор одной из альтернатив, а именно Р. При этом, как уже отмечалось выше, умолчание Q придает нормативному высказыванию более категорический характер. В речи мужа Ирины эксплицируется показатель алетической возможности с отрицанием, свидетельствующий, что Р вообще не имеет места в возможном мире Г. Смена модальности предполагает, что такое положение дел, когда Р не имеет места, не связано с обстоятельством Q, поскольку общественное мнение именно мужчине чаще всего позволяет то, что в той же ситуации категорически запрещает женщине. Соответственно то, что Р не имеет места, муж Ирины осмысляет в плане отсутствия физической и/или психологической возможности, заложенной в нем самом и не обусловленной обстоятельствами внешнего характера.

Следует отметить, что степень категоричности в отношении сохранения супружеской верности зависит от матримонимального статуса женщины и мужчины. Если женщина не замужем, а мужчина женат, то отсутствие альтернативы у мужчины женщина склонна мотивировать об-

стоятельствами морального или религиозного характера, например: **Вы должны простить ... если хотите, чтобы и вас простили.** [...] **Вы, Федор Иванович, должны примириться с вашей женой** (И. Тургенев. Дворянское гнездо). В ином случае мужчине предоставляется свобода выбора, однако эта свобода распространяется исключительно на объект мужского интереса, в то время как сам выбор необходим и альтернативы не имеет, ср.:

— *Желать женщину и осуществлять свое желание – вполне нормально.*

— *Это не помешает моей музыке?*

— *А как быть?*

— **Ты должен выбрать, что тебе важнее** (В. Токарева. Лавина).

Следующий пример интересен в качестве иллюстрации парадокса, противоположного тому, который Ж. Лакан обозначил как «женщина не существует», поскольку женщину творит мужчина в качестве объекта собственного желания, ср. реакцию жены на сообщение Месяцева о его измене:

— *Нам не о чем говорить, — жестко сказала она. — Ты умер. [...] Лучше бы так и было.*

Месяцев оторопел:

— *А сам по себе я разве не существую? Я только часть твоей жизни? И все?*

— *Если ты не существуешь в моей жизни, тебя не должно быть вообще. Нигде.* (В. Токарева. Лавина)

В данном случае деонтический модус в безличной форме сочетается с неконтролируемым Р, которое Г приписывает S. Характерно, что существование представлено как реальное физическое и, следовательно, контролируемое S, если оно включает Г. При этом S, выраженный формой со значением агенса, воспринимается как имеющий возможность продолжить или прервать существование с Г по собствен-

ному выбору. Отказывая S в существовании, Г переносит его из действительного мира в ментальный, где Р уже не контролируется S, но контролируется Г, который конструирует свой возможный мир, не оставляя в нем места для S. Таким образом, мужчина так же, как и женщина, оказывается несуществующим, но только в той степени, в какой его создает женская субъективность, стремясь к сохранению собственной целостности. Это подтверждают последующие слова жены, метафорически раскрывающие вышесказанное: *Мы были как одно целое. Как яблоко. Но если у яблока загнивает один бок, его надо отрезать. Иначе сгниет целиком* (В. Токарева. Лавина). Данная конструкция с деонтическим предикатом *надо* и контролируемым Р семантически тождественна анализируемой выше и параллельна ей по структуре, ср: у яблока загнивает один бок – ты не существуешь в моей жизни (некоторое сложившееся положение вещей O), я стою перед необходимостью отрезать загнивший бок – я стою перед необходимостью отказать тебе в существовании в своем субъективном мире (P). Вместе с тем здесь эксплицируется первоначально не артикулированное обстоятельство Q, которого стремится избежать Г, – утрата собственной субъективности.

В женской речи так же, как и в мужской, гетерогенные нормативные высказывания употребляются в качестве речевых актов побуждения. В данном случае граница между значениями долженствования и побуждения оказывается размытой, поэтому однозначная характеристика высказываний не всегда представляется возможной (об этом свидетельствует и ряд вышеприведенных примеров). По интенсивности выражения побуждения подобные нормативные

высказывания можно квалифицировать как несильные директивы, например: *И вы должны говорить мне правду, потому что [...] я не теряла вас из вида; вы должны обещать мне, дать мне честное слово, что вы не уедете, не увидевшись еще раз со мною; Но ты не должен сомневаться во мне* (И. Тургенев. Дым). Побуждая мужчину к пониманию, женщина не только апеллирует к чувствам, но и опирается на свойственную мужчинам рациональность, которая в данном случае мотивирует необходимость реакции на испытываемый женщиной эмоциональный дискомфорт: *Вы все понимаете, вы и меня должны понять!* – сказала Наталья (И. Тургенев. Рудин).

В случае императивного *должен* побуждение S выполнить P может сочетаться с деонтической необходимостью, обусловленной действием гендерного стереотипа, например: *вы должны считать себя совершенно свободным [...] все то, что произошло вчера, не должно никоим образом менять ваши решения* (И. Тургенев. Дым). P, к которому побуждается S, вытекает из общеизвестного представления о мужской независимости и свободе действий. Однако напоминание об этом в виде речевого акта побуждения вызвано в данной ситуации обстоятельством морального характера, которое, по мнению Г, не может стать препятствием в реализации социально одобряемых действий.

В целом сравнение предикатов, входящих в диктальную часть неэгоориентированных гетерогенных высказываний,

выявляет зависимость пропозиций, употребляемых с деонтическим модусом, как от пола говорящего, так и от пола субъекта нормативного действия. Набор предикатов, определяющих мужскую модель поведения, не тождествен набору предикатов, характеризующих женскую модель поведения. Специфика дистрибуции в данном случае обусловлена заметным влиянием общепринятых устоявшихся представлений о типично мужественном и женственном. Круг предикатов, описывающих поведение и качества мужчины, отличается большим разнообразием и охватом более широкого акционального пространства.

Анализ неэгоориентированных гетерогенных высказываний показывает, что в речи мужчин и женщин, моделируемой художественными текстами, постоянно воспроизводятся традиционные гендерные стереотипы, которые продолжают регулировать поведение и взаимоотношения полов. При этом представление о нормах поведения по отношению к противоположному полу оказывается более консервативным у мужчин, чем у женщин. В женской речи, особенно по данным современных текстов, обнаруживается заметная тенденция к размытию традиционных гендерных ролей, которая выражается в стремлении лидерствовать, а также в расширении акциональной сферы, ассоциирующейся с мужественностью, посредством включения в нее действий, ассоциирующихся с женской моделью поведения.

summary**Σ Deontic modality in male and female speech: a view through the prism of artistic prose**

In the article deontic modality is considered as a source of information about the fragment of the world picture that fixes ideas of normative connections between things and phenomena, and deviation from them. A problem of analyzing a group of normative statements with one of the main deontic predicates 'must' with the purpose of defining peculiarities of its compatibility in male and female speech in Russian is posed. Thus the range of actions that are the object of normative regulation in the sphere of everyday interpersonal relations is reconstructed, existing norms of behaviour for both genders are defined, and a subjective attitude of men and women to these norms is revealed. Russian fiction of the second half of the 19th–20th centuries serves as the research material.

The comparing of predicates, being a part of the dictum of the analysed normative statements, lets reveal dependence of propositions, used with deontic modus, on both a speaker's gender and one of the subject of a normative action. The set of predicates defining the male pattern of behaviour is not identical with the one characterizing the female pattern of behaviour. The specificity of distribution is determined by an evident influence of commonly accepted set ideas of the typically male and female. A range of predicates describing a man's behaviour and qualities differs in a greater variety and coverage of the wider area of human activity.

In the course of the analysis it was elicited that in male and female speech modelled by fiction traditional gender stereotypes that continue to regulate behaviour of and relations between the sexes are constantly reproduced. At the same time men have a more conservative idea of the norms of behaviour toward the opposite sex than women do. In female speech, especially according to the data taken from modern texts, there is a noticeable tendency to blur traditional gender roles.

289

Литература

- Бовуар 1997: **Бовуар С. де.** Второй пол. Т.1 и 2. – Москва: Прогресс; Санкт-Петербург: Алетейя. – 832 с.
- Булыгина, Шмелев 1997: **Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – Москва: Языки русской культуры. – 576 с.
- Вригт 1986: **Вригт Г. Х.** фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. – Москва: Прогресс. – 600 с.
- Гловинская 1993: **Гловинская М. Я.** Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. – In: Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – Москва: Наука. – С. 158–218.
- Кобозева, Лауфер 1991: **Кобозева И. М., Лауфер Н. И.** Семантика модальных предикатов долженствования. – In: Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва: Наука. – С. 166–175.
- Куницына, Казаринова, Погольша 2001: **Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.** Межличностное общение. – Санкт-Петербург: Питер. – 544 с.
- Поварнин 1996: **Поварнин С. И.** Спор. О теории и практике спора. – Санкт-Петербург: Лань. – 160 с.

ИРИНА Н. СОФРОНОВА

Руднев 1997: **Руднев В. П.** Словарь культуры XX века. – Москва: Аграф. – 384 с.

Чвани 1985: **Чвани К. В.** Грамматика слова *должен*: словарные статьи как функция теории. –
Ип: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика.
– Москва: Прогресс. – С. 50–80.

Шатуновский 1996: **Шатуновский И. Б.** Семантика предложения и нерелевантные слова
(значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – Москва: Языки русской
культуры. – 399с.

290

 Стиль 2004